

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-2-71-83

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.А. Гусенова*¹ Введение
Объекты неканонического паломничества в Дагестане «Женские места» и «женские ритуалы» в структуре неканонического паломничества в исламе
Особенности культовой практики в Дагестане: по материалам социологических опросов
Заключение

Поступила в редакцию: 18.03.2021.
Передана на рецензию: 24.03.2021.
Получена рецензия: 11.04.2021.
Принята в номер: 19.04.2021.

«Женские практики» в неканоническом паломничестве в исламе

Дагестанский государственный университет; gusenowa03111978@yandex.ru

На основе анализа некоторых «женских практик» в неканоническом паломничестве в исламе спецификация этих паломнических практик вытекает из двух основных составляющих: статусно-ролевой позиции женщины в обществе, её основных функций, которые она выполняет в семье и общине, а также из особенностей её психоэмоциональной природы. Отмечается склонность женщин придавать сакрализованным природным объектам сверхъестественный характер и наделять их магической силой, что отчётливо прослеживается как на уровне систематизации и теоретического анализа аналогичных исследований, так и в результатах проведенных нами электронных социологических опросов. 54,5 % респондентов-женщин в той или иной степени верят в обладание сверхъестественными силами в указанных в опросе сакральных объектов. Те же опросы показали сохранение синкретизма языческих объектов культового поклонения и исламской атрибутики религиозной жизни. Причём восприятие некоторых природных объектов в качестве сакральных может отличаться в разных районах.

Ключевые слова: *ислам, паломничество, синкретизм, домотеистические религии, Дагестан.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-2-71-83

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*D.A. Gusenova*² Introduction.
Objects of non-canonical pilgrimage in Dagestan. “Women's places” and “women's rituals” in the structure of non-canonical pilgrimage in Islam. Features of cult practice in Dagestan: based on the materials of sociological surveys.
Conclusion.

Received: 18.03.2021.
Submitted for review: 24.03.2021.
Review received: 11.04.2021.
Accepted for publication: 19.04.2021.

«Women's Practices» in Non-Canonical Pilgrimage in Islam

¹ *Джамия Адамкадиевна Гусенова* – доцент кафедры философии и социально-политических наук ДГУ, к. филос. н.

² *Djamilya Adamkadiyevna Gusenova* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Dagestan State University.

Dagestan State University; gusenowa03111978@yandex.ru

Analysis of some «women's practices» in non-canonical pilgrimage in Islam revealed that the specification of these pilgrimage practices follows from such factors as the status and role position of a woman in society, her main functions in the family and community, as well as her psychoemotional nature. There is a tendency on the part of women to assign to sacred natural objects a supernatural character and to endow them with magical power. This can be clearly seen both at the level of systematization and theoretical analysis of similar studies, and after considering the results of the author's small electronic sociological survey. 54,5 % of respondents believe to some extent that sacred objects indicated in the survey possess supernatural powers. The same surveys revealed syncretism between pagan objects of religious worship and Islamic attributes of the religious life of Dagestanis. At the same time, the perception of some natural objects as sacred ones differs in the regions of the republic.

Keywords: *Islam, pilgrimage, syncretism, pre-monotheistic religions, Dagestan.*

Введение

Сакральные места на всей периферии исламского мира, являющиеся объектами так называемого неканонического поклонения, т. е. не предписанного канонами ислама, представляют собой синкретизм природных и культурных комплексов. Рассмотрение данного феномена с позиции особенностей гендерного восприятия объектов культового поклонения и соответствующей спецификации практики исполнения этих обрядов представляет отдельный научный интерес. Разработка этой проблемы позволяет, во-первых, структурировать эти практики, модели поведения; во-вторых, уточнить особенности пространственных перемещений мусульман, обусловленных духовными религиозными потребностями исходя из гендерных различий; в-третьих, выявить особенности влияния форм религиозного мировоззрения на организацию культового пространства. Под гендерной идентичностью применительно к паломничеству мы будем понимать «совокупность моделей поведения и социальных характеристик, с которыми паломники отождествляют себя в соответствии с приписываемым им гендером» [16, с. 152].

О целесообразности исследования феномена паломничества в ракурсе гендерной принадлежности самих пилигримов говорит наличие ряда исследований, которые обособляют женское паломничество по отдельным признакам и характеристикам. Об этом пишут Е.Н. Горбатов [3] и Е.В. Зеленова [5, с. 451], которые отличают женское паломничество от мужского «по численности». Как пример можно привести и публикации З.Р. Хабибуллиной [18] и А. Хабибуллина [11], которые исследовали каноническое паломничество (хадж) в исламе и отметили существование отдельных правил, касающихся женщин: «За их исключением, хадж женщины ничем не отличается от хаджа мужчины» [18]. З.Р. Хабибуллина, проведя неструктурированное интервью в южноуральском регионе с побывавшими в хадже паломниками, обнаружила эти особенности в плоскости чрезмерно эмоционального восприятия женщинами данного мероприятия: «женщины реже разочаровываются в хадже, практически во всех случаях испытывают колоссальную восторженность после поездки, в отличие от мужчин, которые достаточно трезво оценивают условия паломничества и сообщают о неприятных ситуациях» [18]. Здесь, скорее, оказывает влияние фактор психоэмоциональной подвижности самих женщин в целом.

Исторически положение женщины в процессе совершения паломничества, в т. ч. и самого ритуала, во многом, во-первых, зависело от того, какое место в

социуме занимала сама эта женщина, во-вторых, это было продиктовано принятыми в том или ином обществе обычаями и нормами этики. Но ни одна религия не предполагает существенных ритуальных послаблений во время паломничества только лишь исходя из гендерных различий: религия одинаково требовательна и к мужчинам, и к женщинам в плане вероисповедальной практики. А те отдельные предписания, существующие в исламе для женщин, связаны лишь с требованиями к одежде, обеспечением безопасности, учётом её физиологических особенностей и при необходимости выдерживанием срока идда, который зависит от мазхаба («...от 4 до 20 недель») [18], после чего женщине дозволяется отправиться в хадж.

Применительно к неканоническому паломничеству строгих догматических предписаний не существует и преимущественно культовые практики регулируются местными обычаями, связанными с отголосками прежних домонотеистических, языческих верований. Н.С. Терлецкий отмечает, что «решение этого вопроса в контексте выявления доисламских «реликтов», их характеристика как неисламских обычаев представляется не всегда корректной, поскольку они не могут быть вынесены за рамки мусульманской религии, а должны рассматриваться как органичная ее часть» [14, с. 71]. Мы в своём исследовании также придерживаемся этой линии и рассматриваем неканоническое паломничество в качестве составной части исламской религиозной культуры. И это понятно, учитывая, что процесс распространения ислама растянулся на длительное время, и в отдельных регионах не все домонотеистические пережитки успели себя исчерпать.

Объекты неканонического паломничества в Дагестане

На территории Дагестана процесс исламизации растянулся с рубежа VII–VIII – до начала XIX в. Потому культурные комплексы домонотеистических, монотеистических и современных форм религиозных верований сегодня, гармонично сосуществуя, воссоздают специфику культовой практики так называемого «народного ислама». Факты смешивания культовых практик наиболее рельефно представлены в рамках семейно-бытовых, календарных, хозяйственных и иных обрядностей.

До наших дней у разных этносов и субэтносов Дагестана в календарной и семейно-бытовой обрядности, мифологии, фольклоре, лексике и фразеологии в различных формах (поговорках, пословицах, проклятиях, приметах) сохранились отголоски домонотеистических культовых поклонений объектам, которым придавались антропоморфные качества и свойства [6; 12]: небесным телам; мифологическим антропоморфным и зооморфным персонажам; демонологии; оролатрии. Применительно к последнему в республике, территория которой на 56 % покрыта гористой местностью, практика почитания гор локализована по этнотерриториальному принципу: «у аварцев почитались Бахарган, Моду, ЦЮболгохI, Ханибалъ, Къили-мегIер («Седло-гора»), Аддала-шухгельмегIер, Киделишан («Кукольная гора»), у лезгин – Шалбуздаг, у лакцев – ВацIилу, у кайтагцев и агульцев – Джуфу-даг» [2, с. 36–38] и т. д. Терлецкий Н.С. указывает, что данные представления о «святости гор как для тюркской, так и иранской культуры» [14, с. 78], в т. ч. и для народов Центральной Азии (например: гора Арча-Мазар, гора Манас, Тахт-и Сулайман, Баба-йи Аб и многие другие) объясняются у центрально-азиатских народов восприятием «гор как связующего звена между Землей и Небом, между верхним и нижним мирами» [14, с. 78].

К этой категории можно причислить различные магические обряды скотоводческой (к примеру, «связывание пасти волку») и аграрной (например, Праздник первой борозды) культур, которые выполнялись первоначально

жрецами, знахарями с использованием языческих заклинаний, а после утверждения ислама – дибирами, муллами с зачитыванием коранических аятов. Праздник первой борозды широко отмечается и в наши дни. Он является одним из самых массовых мероприятий на селе, связанных с весенне-полевыми работами, началом сельскохозяйственного года. В нем помимо местных жителей принимают участие руководство района и гости из соседних районов. В качестве примера можно привести Праздник первой борозды, который прошел 25 марта 2019 г. в с. Гигатли, 9 апреля 2018 г. в с. Балхар и др.

Как правило, языческие обряды, совершаемые местным населением, предполагали обособление культового сакрального пространства, становящегося местом притяжения и паломничества верующих: пиры в Южном Дагестане и зияраты в северной зоне республики. С этими местами обычно связаны какие-то мифы, легенды. В исламе подобное паломничество канонически не определено и в контексте исламского вероучения носит так называемый неканонический характер. Н.Д. Нуртазина замечает по этому поводу, что в Казахстане посещение подобных мест сопровождается обращениями или просьбами к Всевышнему через дух покойного или какого-то сакрализованного природного объекта, когда «массы людей, особенно женщины, хотя и произносили устами слово «Аллах», но надеялись на конкретного «аруаха»» [8, с. 31]. В качестве таковых сакральных мест могли выступать и скальные проходы, родники с целебной водой, старые деревья необычной формы, стелы, мавзолеи святых и уважаемых людей и т. д. Последние получили широкое распространение не только у мусульман, но и у православных верующих. Как правило, посещение мазаров предварялось «распространением "славы" о чудесах и подвигах святых, исцелениях от святынь. Паломник не совершает такого паломничества, не убедившись из рассказов очевидцев о святости того, к кому или к чему он направляет стопы свои» [3]. У мусульман пиры посещались обычно в дни религиозных праздников. Здесь оставляли различные подношения, продукты, раздавалась милостыня (*садака*), проводились коллективные зикры. И все эти практики в той или иной степени предполагали осуществление неканонического паломничества.

«Женские места» и «женские ритуалы» в структуре неканонического паломничества в исламе

Склонность женщин придавать сакральным природным объектам сверхъестественный характер и наделять их магической силой отчётливо прослеживается в структуре самих сакральных мест. Чтобы обособить сакральные пространства по гендерному признаку, мы переняли у А.С. Дугушиной понятие «женские места» [4], наблюдаемые в культурах разных народов, а у В. Тэрнера – ««женские ритуалы» или «ритуалы воспроизводства», которые сами являются подклассом «ритуалов духов предков или «теней»» [15] в языческих верованиях. В качестве «тени» здесь выступает незримое присутствие духа «покойной матери, или матери своей матери, или какой-либо другой покойной родственницы по материнской линии» [15]. Забывая об этих «тенях», а также демонстрируя сварливый и конфликтный характер, женщина тем самым «подвергает опасности свою способность к воспроизведению (*lusemu*), которая «связывается» (*ku-kasila*) оскорбленной тенью» [15]. Сам «ритуал воспроизводства» направлен на «принуждение вспомнить» [15] об этих «тенях»: о своих генеалогических корнях и социальном предназначении. Аналогией этому можно назвать ритуал на культовой горе Шалбуздаг в Южном Дагестане, на склоне которого в небольшой пещере с каменной люлькой посередине, совершается культовое действо. Для того чтобы узнать, будет ребенок или нет, из ниток и платочка делали подобие люльки и

ребенка. Если каменная люлька качнулась, считалось, что у женщины родится ребенок, если нет – то ребенка не будет. Эти самодельные тряпичные куклы оставляют здесь в надежде на исполнение желания, рождение ребенка. Аналогичный ритуал с использованием тряпичной куклы был описан как реально совершённый недалеко от с. Кули на горе Пабаку, когда некая Миси, которая долгое время не имела детей, отправилась туда, и после соответствующих необходимых манипуляций, уходя, забрала куклу, оставленную предыдущей просительницей, и у нее по истечении 9 месяцев родилась девочка [7, с. 47–48].

Как и в антропологических исследованиях африканского племени *ндембу*, так и в примере с тряпичной куклой в одной из пещер Шалбуздага и Пабаку, бесплодие воспринимается адептами как временное явление, которое может быть устранено после совершения соответствующих ритуалов, призванных исключить кризис противоречий, «примирить» явное и скрытое, видимое и невидимое, сакральное и профанное. После того как женщина «вспоминает... о своих первостепенных обязанностях перед родственниками по материнской линии, запрет на ее плодородие снимается» [15]. Не случайно в качестве сакрализованного пространства в этих ритуалах выступают *глубокая пещера* или *большая нора*, метафорически напоминающие утробу матери; *водоёмы* (озёра, реки), поскольку вода во многих культурах символизирует собой начало жизни; *деревья*, ассоциирующиеся с плодородием и т. д. Все они символизируют собой дуальность профанного и сакрального: профанного как секуляризованного мира повседневности, из которого неопит «выходит», чтобы соприкоснуться с мистическим, обрести новую силу, и «входит» в иное, отрицающее повседневность, – пространство сакрального, отграничивающее женщину от её настоящего, дабы дать возможность соприкоснуться с прошлым. К этой категории причисляются места поклонения, связанные не только с деторождением, исцелением от различных недугов, женским бесплодием, но и с желанием родить ребенка определенного пола. Например, в Дагестане это местность «Нахъхъа рохъоб» (с. Ирганай), в которой была яма в земле, куда спускались бездетные, желающие зачать, и беременные, желающие легко и без проблем разродиться. Это и «Тамарал хоб» (с. Бацада). А в с. Кегер (Гунибский район) произрастало «дерево для беременных»: плодovitость природного объекта – дерева, через ритуал должна была экстраполироваться на человеческую плодovitость.

Применительно к водоёмам А.С. Дугушина, исследуя данную проблему у балканских народов, отмечает, что подобные места, имеющие культовое значение, – это широко представленное явление [4, с. 470], как, например, женский пляж в г. Улцинъ в Черногории (*черног. Ženska plaža, алб. Plazhi i femrave*), регион с подавляющим числом жителей, исповедующих ислам. Автор отмечает двойственность предназначения данного пляжа, интегрирующее в себе «конфессиональные, профанные и сакральные элементы культуры» [4, с. 471]. С одной стороны, речь идёт о рекреации для женщин, предпочитающих «нудистский отдых вдали от мужчин» [4, с. 470]. С другой – «морская вода – насыщенная серным источником, бьющим на берегу, концентрирует вокруг себя особую субкультуру посетительниц – женщин, желающих забеременеть, поскольку считается, что вода из источника и сам пляж благотворно действуют на репродуктивное здоровье» [4, с. 470]. Автором подмечено, что албанские мусульманки используют серные источники для ритуальных омовений с целью исцеления от бесплодия. Ритуал проходит по следующему сценарию: «голое тело следует омыwać водой из источника специально расставленными для этого ковшами, уделяя особое внимание репродуктивным органам; приветствуется плавать в море и загорать на камнях нагишом. Основное ритуальное действие разворачивается вокруг камня,

расположенного в бухте под скалой: к нему следует подплыть с определенной стороны, проплыть вокруг три раза, произнося молитву о желаемом, и оставить напоследок личную вещь» [4, с. 471].

В контексте современных представлений о паломничестве [13, с. 194] в строгом смысле посещение перечисленных выше мест не несёт в себе ни духовно-просветительской, ни миссионерской, ни коммуникативной, ни общеобразовательной, ни благотворительной, ни объединяющей, ни обменной функций. Их главное предназначение – исцеление от недуга посредством привлечения сверхъестественных магических сил. Согласно статье 17.1 ФЗ мы можем называть паломником «физическое лицо, совершающее путешествие (поездку) для посещения мест религиозного почитания (паломничества) и объектов религиозного назначения, расположенных на территории Российской Федерации и за ее пределами, в целях участия в религиозных обрядах и церемониях (паломническая поездка)» [17]. Эти «женские места» не укладываются в существующие представления о паломничестве, поскольку последнее предполагает связь совершаемых обрядов и церемоний с религией. Но по смыслу и содержанию своему применительно к исламской культуре едва ли могут относиться к таковым.

Очевидно, что популярность таких «мест» среди женщин зачастую связана с проблемами здоровья, семьи и деторождения. Применительно к первому совершению с этими целями ритуальных действий В. Тэрнер назвал «мобилизацией энергии» и «идей» [15]: «В этом смысле предметы и соответственные действия – не просто вещи, символизирующие иные вещи или нечто абстрактное. Они являются непосредственной частью тех сил и целительных действий, которые они представляют. Я намеренно употребил выражение «целительное действие», поскольку многие предметы, определяемые как символы, определяются также как лекарства» [15].

Применительно к *ритуалу деторождения*, или, по В. Тэрнеру, *ритуалу воспроизводства* антропологи и этнографы обнаруживают этот феномен повсеместно, в культуре многих народов мира. Объясняется это тем, что, в частности на Кавказе, «отсутствие детей рассматривали как наказание свыше. Бездетные люди считались самыми несчастными – за ними некому было присмотреть во время болезни, старости, все надежды их были направлены на жалость родственников и общественности. Например, бездетность в карачаево-черкесском обществе считалась не только большим несчастьем, но и позором. Поэтому, как и у других народов Северного Кавказа и Дагестана, с самого зарождения семьи многочисленные магические действия были направлены на появление в ней здорового потомства» [7, с. 47]. Феномен «женских мест» представлен в культурах разных народов мира, однако мы сосредоточимся на тех примерах, которые совершаются мусульманками. К таковым объектам можно отнести могилы святых, шейхов, устазов. Посещение мазаров – мавзолеев, могил мусульманских святых (авлия), является наиболее распространённой формой неканонического паломничества и во многом увязывается с архаичными представлениями в зороастризме о смерти, когда покойники хоронились непосредственно в жилище. У центрально-азиатских женщин, например, в отличие от мужчин нет «возможности посещать мечеть, поэтому мазар является главным культовым местом, где они могут реализовать свои духовные потребности» [1]. В Фергане распространён даже социальный статус отынча – социальное лидерство женщин-наставниц по религиозным и некоторым социальным проблемам в женском сообществе. Они и главенствуют во время подобных коллективных женских паломничеств.

Посещение мазаров имеет стандартный набор совершаемых ритуалов: трёх- или семикратный обход мазара, рецитация Корана, прикосновение к надгробию святыни-могилы, подвязывание лоскутов от одежды к деревьям, шестам, жертвоприношение. В отдельных случаях предусмотрены испитие воды из вблизи находящегося источника и приготовление ритуального блюда. В Фергане «во время паломничества к святыням женщины сначала подметают порог мазара, загадывая своё заветное желание. Считается, что подметание и есть само пожелание – этим способом паломница общается со святым, давая понять, для чего она пришла к нему» [1, с. 73]. В Дагестане цудахарки с подобной целью посещали местность «Шейхла хваб» («Могила шейха»), находившуюся недалеко от старой части села.

Особенности культовой практики в Дагестане: по материалам социологических опросов

В последнее время всё чаще в различных изданиях духовные потребности верующих рассматриваются как фактор развития религиозного и так называемого паломнического туризма. Помимо материальной составляющей в развитии религиозного туризма и паломничества ряд авторов усматривают в этом и воспитательную функцию, что в особенности актуально «в условиях радикальной трансформации социально-экономической структуры современного общества» [19].

В Дагестане сохранилось 6474 объекта культурного наследия (памятников истории и культуры), из них объектов культурного наследия федерального значения – 1933 единицы [10], регионального значения – 4514 единиц [9], включая историко-архитектурные комплексы и достопримечательности. Особый интерес представляют объекты культового назначения.

Проведённый нами с декабря 2020 по март 2021 г. электронный социологический опрос³ среди жителей Дагестана разных возрастов и национальностей показал различное отношение к сакральным местам со стороны дагестанцев. Вопросы предполагали ответы респондентов исходя из их этнотерриториальной принадлежности. Всего в опросе участвовал 221 человек: доля женщин составила 71 % (156 чел.), доля мужчин – 29 % (65 чел.). Здесь следует учитывать, что респонденты по некоторым вопросам делились в своих ответах не только своим опытом, но и опытом своих родственников, сельчан или соседей.

В исследовании важно было понять, как воспринимают сами жители Дагестана те или иные культовые объекты в качестве таковых. Так, на вопрос: «Какие в вашем селе есть святыне/сакральные места, зияраты, пиры?» ответ «нет таких мест» дали 17,6 % респондентов, а остальные 82,4 % ответили наоборот. Здесь и далее выведение доли (в процентах) производится исходя из суммы положительных ответов.

На наличие именно могилы святого человека/шейха/устаза указали 96 % опрошенных. В Дагестане мазары являются самыми распространёнными после мечетей объектами культовой практики. В качестве особо почитаемого или сакрального места – старого необычной формы дерева – указали 50 % опрошенных. На региональном уровне в качестве памятника культурного наследия признан только 1 объект – пир с абрикосовым деревом в с. Ахты. Наличие в родном селе

³ Анкета размещена по электронному адресу: <https://docs.google.com/forms/d/1JLPmz5ne2Mpt6fo5BW-3J7u8eCOphkSMkzmFMmzhms/edit#responses>

или в его окрестностях сакрального источника, родника, вода которого считается среди местных жителей исцеляющей, отметили 68,6 % опрошенных.

В действительности таких общепризнанных объектов федерального и регионального значения не так-то много. К памятникам федерального значения относят и родники «Шехсалах» (XVIII в.), «Кала-булаг» (XVII–XIX вв.) и Петровский родник (XVIII в.) в Дербенте, а также средневековый родник-пир (гробница) в Табасаранском районе, с. Гуми. Родников как памятников регионального значения гораздо больше и расположены они преимущественно в южной части Дагестана: в Агульском (с. Дулдуг и Худиг), Акушинском (с. Усиша), Дахадаевском (с. Гуладты, Дзилебки, Ураги, Урхнища, Дуакар, Мукракари, Уркутта), Сулейман-Стальском (с. Старый Нютюг) районах, а также в магальной части Дербента. Есть также в северной и горной зонах: в Казбековском (с. Зубутли) и Хунзахском (с. Орота) районах.

Вариант ответа «сакральная местность (гора, пещера, луг, долина, поляна и т. д.)» отметили 71 % респондентов. В качестве историко-культурных памятников на федеральном и региональном уровне признаны «Священная пещера» (Табасаранский район, с. Хустиль), «Дибгашинские пещеры» (Дахадаевский район, с. Дибгаша), «Мекегинские пещеры – III тыс. до н. э.» (Левашинский район, с. Мекеги), «Кугская пещера» (Хивский район, с. Куг) и «Дербентские пещеры» (4 ед.) (окрестности г. Дербента). Хотя в народе сохранилось представление о тех или иных мазарах или природных объектах как сакральных, но посещающих эти места среди опрошенных не так много.

На вопрос: *Посещаете ли Вы или Ваши сельчане святыне/сакральные места, зияраты, пиры?* в долевым выражении наиболее посещаемыми оказались мазары – 43,6 %. Доля посещающих «старое необычной формы дерево» составила самое минимальное количество среди опрошенных – 7,6 %, доля посещающих «исцеляющий источник» – 16 %. Доля тех, кто посещает сам или его сельчане сакральные местности (гора, пещера, луг, долина, поляна и т. д.) составила 14 %. Почти каждый пятый не посещает и ничего об этом не знает. Если сгруппировать результаты опросов по территориальным округам (Северный, Горный, Центральный и Южный), то можно обнаружить небольшое расхождение в ценностно-смысловом значении этих объектов относительно северной и южной зон.

Итак, в Северном территориальном округе Республики Дагестан, по опросам, больше всего посещают именно мазары (74 %). На посещение «культового дерева» не указал никто; факты посещения «исцеляющего родника» известны только 4 %, а культовой горы или пещеры – 8 % опрошенных, и ничего не знают об этом 13 % респондентов.

В Южном территориальном округе Дагестана в долевым значении наиболее популярным оказалось также посещение мазаров – 31 %. Однако их доля значительно ниже, чем в северных районах республики. Это объясняется тем, что северные районы республики в меньшей степени находились под влиянием языческой культуры Ирана и культ природных объектов здесь слабо выражен. Во многом это связано и с увеличением процента тех, кто указал и на иные сакральные места: «сакральное дерево» – 10,7 %, «исцеляющий родник» – 20,6 %, культовую гору или пещеру – 17,3 %. Каждый пятый отметил, что ничего не знает об этом.

В Горном территориальном округе Дагестана доля посещающих мазары составила 57 %, ничего не знающих об этом – 12 % респондентов. А остальные голоса распределились между иными сакральными объектами.

В Центральном территориальном округе Дагестана в долевым значении наиболее популярным также оказалось посещение мазаров – 39 %. На посещение

«культового дерева» не указал никто. О посещении «исцеляющего» родника сообщили 16 %, а о фактах посещения культовой горы или пещеры сообщили 14 % опрошенных. Ничего не знал об этом каждый третий респондент.

Следующее, что нас заинтересовало, какие культовые практики выполнялись при посещении таких мест. Результаты ответов на вопросы: «Если вам приходилось посещать священные/сакральные места, что вы обычно там делали? Какие совершали действия?» показали, что культовое предназначение некоторых объектов, сохранившихся в памяти именно как сакральные места, несколько смещается. Самым результативным оказался ответ «Ничего не делал(а). Просто осмотрел(а) достопримечательность» – 43 %. Каждый пятый отметил, что раздавал садака, и примерно столько же (19 %) читали зикры или коранические аяты. Совершали намаз, молитву – 8 %; повязали лоскуток ткани – 11 %. Несмотря на то что респонденты указывали на наличие тех или иных сакральных объектов, очевидно, что многие не воспринимали их как «священные», а лишь как местную достопримечательность.

В рамках данного исследования интересными представляются гендерные различия в наделении сверхъестественной силой сакральных объектов. Выше мы уже отмечали гендерное представительство среди опрошенных, поэтому отметим, что сам вопрос «Верите ли вы в существование магической, сверхъестественной силы в этих священных/сакральных местах?» предполагал разную степень уверенности/неуверенности в ответе: от абсолютной до высокой («скорее да, чем нет» либо «скорее нет, чем да»). С учетом, того что среди опрошенных больше женщин, чем мужчин, мы выводим показатели в долевых значениях только внутри самих гендерных групп. Получается, что 54,5 % представительниц прекрасного пола в той или иной степени верят в обладание этими сакральными объектами сверхъестественных сил. Причём внутри этой группы доля тех, кто ответил «однозначно, да» – 23,5 %, что в 2 раза больше, чем в мужской группе (11 %). «Усомнившиеся» в этом женщины в равных долях ответили на это уверенно «нет», либо «скорее нет, чем да» ~ 22,8 % соответственно. Мужчин, верящих в сверхъестественные свойства указанных объектов, гораздо меньше: «нет» с разной степенью уверенности ответили 70 %.

Как практика празднования исламских праздников сочетается с практикой исполнения неканонических обрядов? Опросы показали, что если мусульманские праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам, день Ашура, День рождения пророка Мухаммеда, мавлиды и коллективные зикры) в той или иной степени проводятся и отмечаются в семье во всех районах республики, то с практикой проведения календарных и семейно-бытовых обрядов не всё так однозначно. Как вариант ответа на вопрос: «Какие на вашей памяти проводились/проводятся календарные обряды у вас дома или среди родственников, сельчан или в самом селе?» было предложено 7 наиболее популярных из описанных этнографами⁴ календарных обрядов. В долевом значении наиболее популярным оказался праздник Навруз-байрам – 41,3 %, о нём заявили представители 26 районов республики из 30 (включая г. Махачкалу). Отмечают Праздник первой борозды – 19,5 % (21 район), обряд вызывания дождя практикуют в 10 районах – 8,5 % опрошенных, проводят обряд вызывания солнца представители 5 районов республики – 4 % опрошенных, примерно столько же (4,1 %) указали, что помнят, как отмечался «обряд, направленный на получение хорошего урожая». На «Праздник встречи весны» указали представители 20 районов республики, в долевом значении их ответы

⁴ См. работы Сефербекова Р.И.

составили 14,7 %. Представители 10 районов республики указали, что в их селе или окрестностях праздновался «праздник сбора урожая» (7,3 %).

К семейно-бытовым обрядам обычно относят снятие сглаза, порчи, проклятия, обряд на рождение мальчика/девочки, обряд от мужского/женского бесплодия, изгнание шайтанов из тела и дома, обряд избавления от болезней, создание оберега, обряд укладывания ребенка в люльку и обряд имянаречения. На вопрос, какие из перечисленных семейно-бытовых обрядов проводились у вас дома, в доме ваших родственников, сельчан или в самом селе, несмотря на полное расхождение с исламскими канонами, наиболее распространённым ответом был обряд от сглаза – 29 %, далее идет обряд имянаречения – 15,5 %, обряд укладывания ребенка в люльку – 11,5 %, обряд на рождение мальчика/девочки – 10,2 %, обряд на создание оберега – 9,5 %, обряд на снятие проклятия – 6,5 %, обряд изгнания шайтана из тела человека или из дома в совокупности набрал 10,5 %, обряды избавления от болезней – 5,2 % и от мужского/женского бесплодия – 2 %.

Заключение

Исследование женских практик неканонического паломничества в исламе требует основательной теоретико-методологической проработки. Исходя из нашего исследования можно заключить, что спецификация этих практик вытекает из двух основных составляющих: статусно-ролевой позиции женщины в обществе, её основных функций в семье и общине, а также из особенностей её психоэмоциональной природы. Приведённые результаты социологических опросов показывают сохранившийся и по сей день синкретизм языческих объектов культового поклонения и исламской атрибутики религиозной жизни дагестанцев. Причём восприятие некоторых природных объектов в качестве сакральных отличается в разных районах республики.

Литература

1. *Абдуллаев У.С., Каримова М.А.* Обряды, связанные с посещением мазаров у женщин Ферганы: традиция и современность // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2015. – № 6–4 (37). – С. 72–74.
2. *Агларов М.А.* Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // *Мифология народов Дагестана*. – Махачкала, 1984. – С. 23–38.
3. *Горбатов Е.Н.* Древнерусское паломничество. XI–XV в. // *История паломничества на святую землю (электронный журнал)*. – Лето 2008. – № 13. – Режим доступа: <http://palomnic.org/journal/14/istoria/2/> (дата обращения: 04.01.2021).
4. *Дугушина А.С.* «Женские» места на Балканах в контексте ритуального и этноконфессионального взаимодействия: женский пляж г. Улциня в субкультуре городского сообщества // *XLIV Межд. филологическая научная конф.: тезисы докладов (г. Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.)*. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – С. 470–471.
5. *Зеленова Е.В.* Актуальные проблемы современного православного паломничества // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2011. – Т. 10, № 3–4. – С. 451–455.
6. *Зульфикарова Э.М., Сефербеков Р.И.* Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры ногайцев: синкретизм традиционных верований и ислама // *Исламоведение*. – 2016. – Т. 7, № 3. – С. 85–102.
7. *Мусаева М.К., Хасбулатова З.И.* Традиционные обычаи и обряды народов Северного Кавказа и Дагестана, связанные с бесплодием // *Вестник*

Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – № 2. – С. 45–54.

8. Нуртазина Н.Д. Религиозный туризм в Казахстане: история и современные проблемы // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2009. – № 4. – С. 25–37.

9. Перечень объектов культурного наследия регионального значения на территории Республики Дагестан // Сайт Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан. – Режим доступа: <http://dagnasledie.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-na-territorii-respubliki-dagestan> (дата обращения: 09.04.2021)

10. Перечень объектов культурного наследия федерального значения на территории Республики Дагестан // Сайт Агентства по охране культурного наследия Республики Дагестан. – Режим доступа: <http://dagnasledie.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-federalnogo-znacheniya-na-territorii-respubliki-dagestan> (дата обращения: 09.04.2021).

11. Х. Алтунташ, И. Карагез, М. Кескин. Руководство по совершению хаджа / пер. с тур. А. Хабибуллин. – М.: Сад, 2010. – 96 с.

12. Сефербеков Р.И., Шехмагомедов М.Г. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры аварцев-гидатлинцев: синкретизм традиционных верований и ислама // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 113–132.

13. Танеева Е.Ш., Волжина С.К. Роль паломнических поездок в организации православного отдыха // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 9 (47). – С. 191–198.

14. Терлецкий Н.С. Места паломничества и поклонения и доисламские традиции в Центральной Азии // Центральная Азия: традиция в условиях перемен / отв. ред. Р.Р. Рахимов. – СПб.: Наука, 2007. – 354 с.

15. Тэрнер В. Символ и ритуал: пер. с англ. / вступ. ст. В.А. Бейлиса. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

16. Тюхтяев А.Е. Проигрывание гендерных идентичностей в среде нью-эйдж (на примере паломничества к археологическим памятникам в Краснодарском крае) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – № 20 (5). – С. 151–166.

17. Федеральный закон от 03.07.2019 № 170-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328151/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/

18. Хабибуллина З.Р. Гендерный аспект паломничества (хаджа) в исламе // Культура и искусство. – 2019. – № 12. – С. 46–51. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31776.

19. Эльдаров Э.М., Якунин В.Н. Паломничество и религиозный туризм в Республике Дагестан как средство воспитания подрастающего поколения // Детско-юношеский туризм: образовательные технологии: сб. научных трудов по материалам III Межд. научно-практической конф. (г. Санкт-Петербург, 15 ноября 2017 г.). – СПб.: СПбГЭУ, 2017. – С. 249–259.

References

1. Abdullaev U.S., Karimova M.A. Rites associated with visiting mazars among women of Ferghana: tradition and modernity. *International Scientific Research Journal*. 2015, no. 6-4 (37). Pp. 72–74. (in Russian)

2. Aglarov M.A. Pagan sanctuary on the top of Mount Bahargan (To the study of communal and regional cults in Dagestan). *Mythology of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 1984. Pp. 23–38. (in Russian)

3. Gorbatov E.N. Ancient Russian pilgrimage of the XI–XV century. *The history of the pilgrimage to the Holy Land. Electronic journal*. Summer 2008, no. 13. Access mode: <http://palomnic.org/journal/14/istoria/2/> (Accessed: 04.01.2021) (in Russian)

4. Dugushina A.S. "Women's" places in the Balkans in the context of ritual and ethno-confessional interaction: the women's beach of Ulcinj in the subculture of the urban community. In the book: *XLIV International Philological Scientific Conference Abstracts*. 2015. Pp. 470–471. (in Russian)

5. Zelenova E. V. Actual problems of modern Orthodox pilgrimage. *State, religion, Church in Russia and abroad*. 2011. Vol. 10, no. 3-4. P. 451–455. (in Russian)

6. Zulpukarova E.M., Seferbekov R.I. From the mythology, folklore and ritual culture of the Nogais: syncretism of traditional beliefs and Islam. *Islamovedenie*. 2016. Vol. 7, no. 3. Pp. 85–102. (in Russian)

7. Musaeva M.K., Khasbulatova Z.I. Traditional customs and rituals of the peoples of the North Caucasus and Dagestan associated with infertility. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2011, no. 2. Pp. 45–54. (in Russian)

8. Nurtazina N. D. Religious tourism in Kazakhstan: history and modern problems. *Modern problems of service and tourism*. 2009, no. 4. Pp. 25–37. (in Russian)

9. List of objects of cultural heritage of regional significance on the territory of the Republic of Dagestan. *Website of the Agency for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan*. Access mode <http://dagnasledie.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-na-territorii-respubliki-dagestan> (accessed: 09.04.2021) (in Russian)

10. List of objects of cultural heritage of federal significance on the territory of the Republic of Dagestan. *Website of the Agency for the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Dagestan*. Access mode <http://dagnasledie.ru/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya-federalnogo-znacheniya-na-territorii-respubliki-dagestan> (accessed: 09.04.2021) (in Russian)

11. *Guide to performing the Hajj* / translated from Turkish by A. Habibullin. Moscow. Sad, 2010. 96 p. (in Russian)

12. Seferbekov R.I., Shekhmagomedov M.G. From the mythology, folklore and ritual culture of the Avars and the Khidatl people: syncretism of traditional beliefs and Islam. *Islamovedenie*. 2017. Vol. 8, no. 3. Pp. 113–132. (in Russian)

13. Taneeva E.Sh., Volzhina S.K. The role of pilgrimage trips in the organization of Orthodox recreation. *Service in Russia and abroad*. 2013, no. 9 (47). Pp. 191–198. (in Russian)

14. Terletsky N.S. *Places of pilgrimage and worship and pre-Islamic traditions in Central Asia* / Central Asia: Tradition in the conditions of change / Ed. by R.R. Rakhimov. St. Petersburg. Nauka, 2007. 354 p. (in Russian)

15. Turner V. *Symbol and ritual*: [Trans. V. Turner; [Introduction by V.A. Beilis, pp. 7–31]. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (in Russian)

16. Tyukhtyaev A.E. Playback of gender identities in the New Age environment (on the example of pilgrimage to archaeological sites in the Krasnodar Territory). *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2017. 20 (5). Pp. 151–166. (in Russian)

17. *Federal Law No. 170-FZ of 03.07.2019 "On Amendments to the Federal Law" On the Basics of Tourist Activity in the Russian Federation "and the Federal Law" On Freedom of Conscience and Religious Associations"* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328151/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (in Russian)

18. Khabibullina Z.R. Gender aspect of pilgrimage (Hajj) in Islam. *Kultura and Art*. 2019, no. 12. Pp. 46–51. (in Russian)

19. Eldarov E.M., Yakunin V.N. Pilgrimage and religious tourism in the Republic of Dagestan as a means of educating the younger generation. *Children and youth tourism: educational technologies. Collection of scientific papers based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference*. November 15, 2017. St. Petersburg: SPbGEU, 2017. Pp. 249–259. (in Russian)